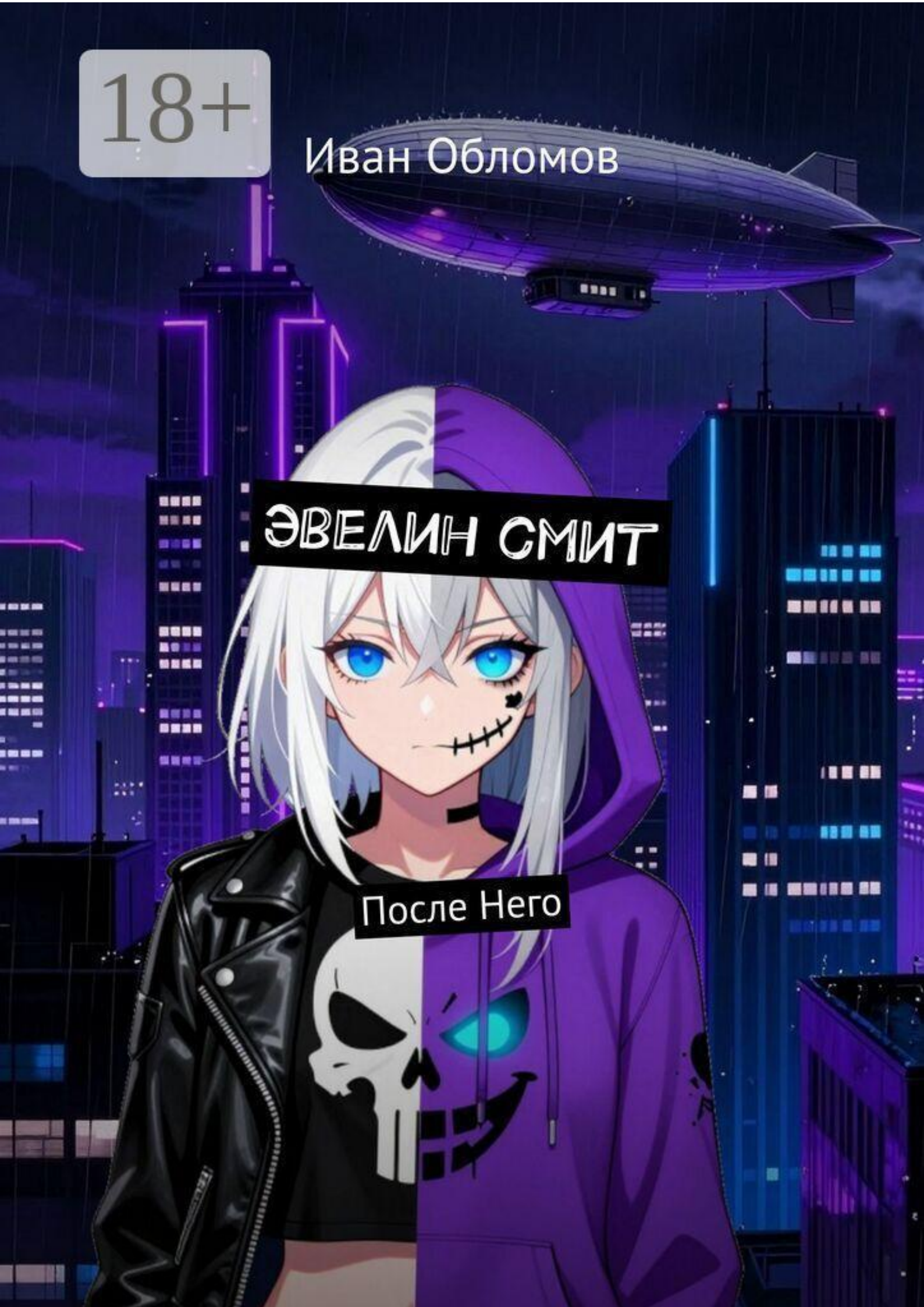

18+

Иван Обломов

ЭВЕЛИН СМИТ

После Него

Иван Обломов

Эвелин смит. После Него

«Издательские решения»

Обломов И.

Эвелин Смит. После Него / И. Обломов — «Издательские решения»,

Она потеряла его. И вместе с ним — себя. Эвелин Смит не живёт — существует. Чёрный кофе, сигареты, закрытое окно. Психолог говорит: «Выходи на улицу». Она выходит и видит чужую жизнь. Парня в чёрном плаще, который дарит цветы другой. Потом появляется Макс — хороший, любящий. Она делает всё правильно. Но маска, помогающая выжить, однажды становится лицом. А лицо требует правды. Роман о горе, которое не проходит. О лжи, которая спасает и убивает одновременно. О городе, где всегда идёт дождь.

© Обломов И.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. «После него»	6
«Чёрный плащ»	7
«Правдивая ложь»	10
«Чужая жизнь»	12
«Белый шум»	14
«Не сегодня»	16
«Прогресс»	18
«Не оглядывайся»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эвелин смит После Него

Иван Обломов

Иллюстрация обложки «Шедеврум 2.5 pro»

© Иван Обломов, 2026

ISBN 978-5-0070-3121-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. «После него»

*Она одна.
Она его забыть не в силах,
Он всё так же дорог ей,
Она всё помнит, всё, что было
И не может забыть, хоть убей...
Она одна и рядом нет его,
Она одна, и больше — ничего!
Она одна — лежит и плачет,
В подушку молча, слёзы льёт,
Ведь он ещё всё что-то значит,
Что-то значит для неё...
Она его всё так же любит
И никак не может позабыть...
Ах, всё же, как же трудно
Любя...
Бывает...
Жить...*

«Чёрный плащ»

Эвелин было двадцать пять.

Столько же, сколько Ему, когда он ушёл.

Волосы — белые, короткие, до плеч. Она не красила их — они сами такими стали. После той ночи. После того, как она нашла окно открытым, а его — нет.

Глаза — голубые. Когда-то они были яркими, как небо над морем. Теперь — выцветшие, как старая джинсовая ткань. Она смотрела ими на мир, но мир не смотрел в ответ.

Она работала в техническом крыле исследовательского центра «Селена» — чинила дронов. В том же здании, этажом выше, располагалась лаборатория. Эвелин иногда видела в лифте высокую темноволосую женщину с усталыми глазами. Они никогда не здоровались.

Она стояла у окна.

Смотрела вперёд. Не вниз. Вниз смотреть было страшно.

За стеклом моросил дождь — тот самый, ноктюрновский дождь. Капли стекали по стеклу, размывая неоновые огни высоток. Голограмма на соседней башне рекламировала что-то яркое и ненужное, мерцая сквозь пелену.

Она вспомнила, что говорил психолог.

«Тебе нужно выходить, Эви. Не для того, чтобы кого-то встретить. А чтобы вспомнить, что мир существует. Даже если тебе кажется, что он остановился.»

Эвелин смотрела на дождь. Потом на дверь.

— Сегодня, — сказала она вслух. Никому.

Она надела чёрные джинсы, чёрную футболку с черепом. Белая кость на тёмной ткани легла на грудь, у самого сердца. Череп скалился, когда она дышала.

Поверх — короткий чёрный плащ. Кеды — чёрные, старые, разношенные. Она не покупала новую обувь. Ему это не понравилось бы. Он любил, когда она улыбалась. А она разучилась.

Приложила коммуникатор к сенсорной панели — дверь щёлкнула. Шагнула за порог.

В лифте была одна. Нажала кнопку первого этажа. Лифт пополз вниз, останавливаясь на каждом этаже. Пустой. Холодный. Она прислонилась к стене, закрыла глаза.

На полпути двери разъехались.

Вошёл парень.

Чёрные волосы, чёрный плащ. Он был молод — может, чуть за двадцать. Спокойные карие глаза. Лёгкая улыбка, когда он увидел, что лифт не пуст.

Он кивнул ей. Она не ответила.

Лифт поехал дальше. Эвелин смотрела на его отражение в полированной панели двери и не могла отвести взгляд.

Он был похож на Него.

Те же чёрные волосы, чуть длиннее, чем принято. Та же манера держать плечи. Тот же плащ. Только моложе. И глаза — карие, а не серые.

Она опустила взгляд. И медленно накинула капюшон — спрятала лицо в тень. Чтобы он не увидел её глаз.

«Ты глупая. Он не Он. Ты никогда больше его не увидишь.»

Лифт остановился. Двери открылись. Парень тактично пропустил её вперёд.

Она вышла на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо. В нём смешалось всё: запах мокрого асфальта, озона и едва уловимый привкус плазменных выхлопов — город просыпался. Над головой, мигнув синим огоньком, пронёсся дрон-доставщик, игнорируя дождь. Где-то вдалеке загудел аэрокар.

Эвелин достала сигарету, закурила. Сквозь пелену дождя мерцали неоновые вывески, отражаясь в лужах разноцветными пятнами.

Она посмотрела по сторонам — серые башни, уходящие в низкие тучи, мокрые тротуары, люди под зонтами. Ничего, что могло бы её задержать. Ничего, ради чего стоило выходить.

И тут она увидела его.

Тот самый чёрный плащ. Он уже отошёл на десяток метров, быстро и уверенно двигаясь вдоль тротуара. Не оглядывался.

Эвелин замерла.

«Не смей.»

Она пошла за ним.

Она не знала, зачем. Знала только, что не может остановиться.

Он шёл быстро, уверенно. Не оглядывался. Она держалась на расстоянии — не слишком близко, чтобы он не заметил, и не слишком далеко, чтобы не потерять.

Дождь усиливался. Капли стекали за воротник, но она не чувствовала холода. Она вообще ничего не чувствовала. Только этот плащ. Только этот силуэт.

Он свернул направо, в узкую аллею между старыми домами. Эвелин остановилась у поворота.

И в этот момент её накрыло.

Воздух кончился.

Она стояла посреди улицы — без стен, без крыши, без защиты. Вокруг высились башни, уходящие в облака. Стекло и бетон. Ни одного знакомого здания. Люди шли мимо, задевали плечами, что-то говорили — она не слышала. Только собственное дыхание, частое, поверхностное, и череп на груди, который скалился в такт.

«Где я?»

Сердце забилось где-то в горле.

«Как я здесь оказалась?»

Она не помнила дороги. Не помнила, сколько прошла. Не помнила, как вышла из лифта. Только чёрный плащ. Который исчез.

Она прижалась спиной к холодной стене, сползла по ней, не чувствуя ног. Руки тряслись. Дыхание не возвращалось.

«Это приступ. Это просто приступ. Он пройдёт.»

Но он не проходил.

Потому что она вдруг поняла: она вышла из дома. Сама. Без цели. И шла за призраком.

Она закрыла глаза. Сжала кулаки. Считала до десяти. Потом до двадцати. Потом сбилась.

«Дыши, идиотка. Просто дыши.»

Она очнулась от жужжания.

Над ней висел патрульный дрон. Синий глаз сенсора смотрел в лицо.

— С вами всё в порядке?

Эвелин не ответила. Села. Оттолкнула дрон — тот отлетел в сторону, моргнул.

— Всё в порядке, — бросила она, вставая. — Иди работай.

Дрон завис на секунду. Потом развернулся и улетел.

Эвелин поднялась. Ноги дрожали. Она оперлась о стену, достала ещё одну сигарету. Закурила. Глубоко вдохнула.

Дым смешался с дождём.

Она посмотрела на аллею, где исчез чёрный плащ. Пусто.

Потом развернулась и пошла домой.

Приложила коммуникатор к сенсорной панели — дверь щёлкнула. За порогом пахло пылью и тишиной.

Она шагнула в прихожую. Гладкие матовые стены — серые, безликие, как во всех типовых квартирах Ноктюрна. Единственное, что нарушало стерильность — его куртка на крючке. Серая, лёгкая. Эвелин не снимала её. Не могла.

Эвелин сняла плащ. Коснулась матовой панели на стене — та просветлела, превратившись в зеркало.

Череп на груди скалился — ровно в такт её дыханию. Мокрые волосы прилипли к лицу. Глаза смотрели пусто.

Она отвела взгляд. Панель снова стала матовой.

Она выходила.

Она сделала, что сказал психолог.

Ничего не изменилось. Но она вернулась.

«Правдивая ложь»

Кабинет был нейтральным.

Стены — матовые панели, ни холодные, ни тёплые. Свет — ровный, без теней. Панорамное окно закрывали плотные вертикальные жалюзи — ни щели, ни просвета. Только глухая бежевая плоскость.

Эвелин сидела в кресле, прижимаясь спиной к мягкой обивке.

Напротив, за гладкой столешницей, сидел кто-то, чьё лицо она не запоминала. Голос был ровным, без интонаций, без возраста, без пола.

— Как прошла неделя, Эви?

— Нормально.

— Ты выходила на улицу?

— Да. На работу.

— А ещё?

— К вам вот пришла. — Она пожала плечами. — Как будто это неважно.

Пауза. Голос не давил. Ждал.

Эвелин смотрела на свои руки. Пальцы сжимали подлокотники кресла.

— В прошлый раз ты говорила, что хочешь попробовать гулять, — напомнил голос. — После работы. Не только дорога до «Селены».

— Пробовала.

— И как?

— Была паническая атака.

Голос не дрогнул:

— Расскажи.

— Шла по улице. Потом поняла, что не помню дороги. Не помню, как оказалась там. Воздух кончился. Стены кончились. Всё кончилось.

— Где это было?

— Не знаю. Какой-то перекрёсток. Аллея.

— Ты одна гуляла?

— Да.

Она не сказала про чёрный плащ.

Не сказала, что шла за ним.

Не сказала, что он похож.

Она вспомнила, как Он поправлял её капюшон, когда тот сползал. Как говорил: «Ты вечно прячешься. Покажи лицо».

Эвелин моргнула.

В этот момент включилась вентиляция. Лёгкое дуновение пошевелило край жалюзи.

Сердце пропустило удар.

«Открыто. Окно открыто.»

Она не могла этого видеть — жалюзи были плотно сомкнуты. Но тело помнило. Ту ночь. Занавеску, которую ветер поднимал. Пустоту на подоконнике.

«Он ушёл через окно. А ты не подошла. Не спросила. Не остановила.»

Она вжалась в кресло. Пальцы впились в подлокотники.

Потом до неё дошло: вентиляция. Жалюзи не шевелятся. Это просто воздух.

Но тело уже отреагировало. Дыхание сбилось. Ладони взмокли.

— Эви? — голос вернул её.

— Всё нормально, — сказала она. — Просто показалось.

Психолог ничего не заметил. Или сделал вид.

— Что ты сейчас видишь?

— Кресло. Стены. Вас.

— А что ты видела там, на улице?

— Ничего. Высокие дома. Людей. Дождь.

— Ты боишься открытых пространств?

— Не знаю. Наверное.

— Тогда будет сложнее.

Эвелин ничего не ответила.

Голос помолчал. Потом спросил:

— Ты говорила с братом?

— Нет.

— Почему?

— Он в Академии. У него учёба. Ему не нужно это знать.

— Ты боишься его расстроить?

— Я боюсь, что он приедет, — сказала Эвелин. — Увидит меня. И всё поймёт.

— А что он поймёт?

Она не ответила.

Тишина затянулась.

Коммуникатор Эвелин пиликнул.

— Рецепт, — сказал голос.

Эвелин встала.

— Я выхожу, — сказала она, не глядя на него. — Вы хотели — я выхожу. Надеюсь, вы довольны.

Она повернулась и пошла к двери, не дожидаясь ответа.

Даже не взглянула на экран коммуникатора.

Коридор был пуст.

Она остановилась у выхода. Поправила капюшон. Глубоко выдохнула.

«Всё нормально. Ты нормальная.»

Эвелин прижала коммуникатор к сенсорной панели — дверь щёлкнула. Шагнула на улицу.

Дождь кончился. Небо было серым, низким.

Она сделала три шага. Остановилась.

В двух метрах от неё, на мокром асфальте, лежала чёрная перчатка. Одна.

Эвелин смотрела на неё. Не могла отвести взгляд.

Потом обошла, как мину, и пошла домой.

Не оглядываясь. Не сжимая кулаки.

«Чужая жизнь»

Она вышла ровно в десять.

Дождя не было. Небо висело низкое, серое, но сухое. Эвелин накинула капюшон — не потому что нужно, а потому что без него она чувствовала себя голой.

Она шла по знакомому маршруту.

Мимо подъезда. Мимо перекрёстка. Мимо витрин, в которых отражалась чужая женщина в чёрном плаще.

Она дошла до поворота в аллею — того самого, где в прошлый раз её накрыло. Остановилась. Посмотрела вперёд.

Никого.

Она постояла минуту. Потом развернулась и пошла обратно.

И тут она увидела его.

Он шёл с другой стороны улицы — быстро, уверенно, как тогда. В руках у него были цветы. Живые. Редкие. Лепестки переливались на скудном утреннем свету.

Эвелин замерла.

Она развернулась и пошла за ним. Не потому что хотела. Потому что тело уже знало этот маршрут.

Он привёл её к кафе. Старому, с деревянными рамами и приглушённым светом внутри. Он вошёл. Она осталась на улице, прижалась к стене, натянула капюшон глубже.

Стекло было чистым. Она видела всё.

Он сел за столик у окна. Положил цветы рядом. Ждал.

Через несколько минут вошла она. Пепельные волосы, зелёные глаза. Лёгкая, почти невесомая. Села напротив. Он подвинул цветы.

Она улыбнулась.

«У них есть жизнь. А у тебя — пустая квартира и череп на груди.»

Они пили кофе. Разговаривали. Она не слышала слов, но видела, как он смотрит. Как наклоняет голову. Как улыбается.

Она поправила ему волосы. Простой жест.

«Эвелин некого поправлять.»

Они смеялись. Над чем-то глупым.

«Она не помнила, когда смеялась в последний раз.»

Потом они встали и подошли к старому автомату в углу. Строили рожицы перед камерой. Обнимались. Вспышки били по стеклу.

«Ты смотришь на чужое, потому что своё кончилось.»

Она отвернулась. Но не ушла.

Они вышли на улицу. Он нёс полоску фотографий. Они шли рядом, близко, почти касаясь плечами.

Эвелин шла за ними. Не слишком близко. Не слишком далеко.

Они остановились у высокого здания. Она взяла его руку, разделила полоску пополам — себе и ему. Потом скрылась за дверью.

Он остался стоять. Смотрел на окна. Ждал.

Эвелин смотрела на него. На чужого парня в чужом плаще, который ждал, когда зажётся чужой свет.

Через минуту на двадцатом этаже зажглось окно. Он улыбнулся, развернулся и пошёл прочь.

Эвелин осталась стоять.

Потом развернулась и пошла домой.

Она шла по знакомому маршруту. От кафе до аллеи. От аллеи до подъезда. Теперь она знала эту дорогу.

«Завтра я снова выйду. Не потому что хочу его увидеть. А потому что если перестану — то никогда уже не выйду.»

Дома она сняла плащ. Коснулась матовой панели на стене — та просветлела, превратившись в зеркало.

Череп на груди скалился. Глаза смотрели пусто.

Она отвернулась. Панель снова стала матовой.

Эвелин подошла к окну.

Снаружи, на подоконнике, стояли коробочки. Четыре. Нет, пять — одна прилетела сегодня, пока её не было.

Она посмотрела на них. Потом отвернулась.

Окно осталось закрытым.

«Белый шум»

Она проснулась от того, что кто-то позвал её по имени.

Тишина.

Квартира пахла пылью и вчерашним дождём. Эвелин села на кровати, посмотрела на окно. Серая пелена. Ни солнца, ни дождя. Ничего.

Она встала. Подошла к зеркалу. Матовое стекло просветлело.

На груди, вокруг соска, — череп. Кривой, асимметричный, без нижней челюсти. Один глаз больше другого, и внутри него — сосок. Череп смотрел на неё из зеркала. Или сквозь неё.

Он сделал это сам. Дома. В позапрошлом году.

Теперь его нет. А череп остался.

Никто не видел эту татуировку четыре месяца. Или пять.

Она надела футболку.

Чёрные джинсы, чёрная футболка с черепом, короткий чёрный плащ. Кеды. Коммуникатор к панели — дверь щёлкнула.

Она вышла.

Кафе было почти пустым. Утренний час, когда нормальные люди ещё на работе или в постели.

Эвелин села за тот же столик. У окна. Отсюда был виден тротуар, по которому они шли вчера.

Пахло свежесваренным кофе. Настоящим, не из репликатора. Она даже не помнила, когда в последний раз пила такой.

Она заказала чёрный, без сахара.

Официант принёс чашку. Кофе был вкусным. Она это отметила — и удивилась себе. С чего вдруг?

Она смотрела на пустой стул напротив.

Другое кафе. Другой стул. Он сидел там. Пил кофе с бергамотом. Она помнила запах — он вьелся в её кожу за три года.

— Ты вечно прячешься, — сказал он тогда. — Покажи лицо.

Она хотела ответить. Но это было тогда. А сейчас — пустой стул и остывающий кофе.

Эвелин достала сигарету. Зажала между пальцами, но не зажигала. Просто держала.

— Извините, у нас не курят, — вежливо сказал официант.

Эвелин посмотрела на сигарету. Потом на него.

Она встала. Чашка с недопитым кофе опрокинулась — чёрная лужа расплзлась по скатерти.

— Спасибо, — бросила она, не глядя.

Официант не ответил. Только молча наблюдал, как она идёт к выходу.

На улице она закурила. Глубоко, до боли в лёгких. Дым смешался с серым небом.

Она шла домой. Сигарета догорела до фильтра — она не заметила, когда выбросила. Не помнила дороги. Помнила только пустой стул и его голос: «Ты справишься».

Она не справилась.

Дома она прошла через комнату. На широком подоконнике стояла его кружка — та, из которой он пил кофе с бергамотом. Она мыла только свою. Его покрылась пылью. Рядом — засохший цветок. Она не поливала его. Не выбросила.

Она прошла в ванную. Включила воду. Села на пол, прислонилась спиной к холодной стене.

Вода шумела. Белый шум, заглушающий всё. Тишину. Мысли. Его голос.

Она сидела, смотрела на льющуюся воду и не плакала.

Внутри было пусто.
Так привычно пусто.
Вода текла.
Эвелин сидела.
Время шло.

«Не сегодня»

Она шла по маршруту, который уже выучила наизусть.

Поворот у аптеки. Светофор с голограммой. Скамейка, где вчера сидел мужчина с дроном-собачкой. Она не думала. Она просто шла.

И увидела его.

Чёрный плащ мелькнул впереди, у неоновой вывески, которая мигала фиолетовым, рекламируя что-то яркое и ненужное. Она не ускорила шаг. Не замедлила. Просто продолжила идти — в ту же сторону, с той же скоростью. Как будто так и было задумано.

Он зашёл в антикварную лавку. Маленькую, с тёмной витриной, за которой угадывались старые книги, механические часы, фарфоровые куклы с треснувшими лицами.

Она остановилась у стены соседнего дома. Ждала. Курила.

Минут через десять дверь открылась. Он вышел — с медведем. Огромным, плюшевым, потёртым. Медведь был таким большим, что он нёс его в охапку, переваливаясь из стороны в сторону.

«Зачем ему плюшевый медведь?»

Она не отошла. Или он не заметил. Они столкнулись — медведь задел её плечо, мягкий, почти невесомый.

— Извините, — сказал он. Быстро, машинально.

Она не ответила. Он пошёл дальше. Она — за ним.

Он свернул в парк. Она — следом.

У скамейки под клёном ждала девушка. Пепельные волосы, зелёные глаза. Увидела медведя — рассмеялась. Вскочила, обняла игрушку, прижала к себе.

Он стоял рядом, улыбался. Смотрел на неё.

«Он дарит ей подарки. Как Он дарил мне. Книги. Странные вещи. Эту книгу. Которая теперь пылится на полке. Я её перечитывала сотни раз. Закладка всё ещё на странице, где он остановился. Я так и не дочитала. Забыла. Или не хотела.»

Эвелин смотрела на них.

Потом они пошли к выходу. Девушка несла медведя, он шёл рядом. Прохожие оборачивались. Кто-то улыбался.

Эвелин осталась стоять у дерева.

Потом развернулась и пошла домой. Потому что больше некуда было идти.

Дома она сняла плащ. Прошла к полке.

Полка была единственным местом в квартире, где что-то менялось. Книги стояли неровно — она переставляла их, когда не могла уснуть. Рядом с ними — его старый планшет. Разряженный. Она так и не выбросила.

Она достала книгу. Старую, бумажную, с потрёпанным корешком. Он подарил её. Тогда. Давно.

Она гладила обложку. Водила пальцем по выцветшим буквам.

«Ты ушёл. А я осталась. Смотрю на этот мир. На них. На медведя. На его улыбку. На её смех. На всех, кто идёт по улице, держась за руки.»

Она перевела взгляд на окно.

За стеклом, на подоконнике, стояли коробочки. Система доставляла их раз в неделю. Она не открывала окно, чтобы забрать. Не хотела. Боялась.

«Говорят, если принять сразу много — можно не проснуться.»

Мысль пришла тихо. Не панически. Не отчаянно. Просто — как вариант.

Она смотрела на коробочки. Они смотрели на неё.

«Интересно, сколько надо?»

Она не знала. И не хотела знать. Не сегодня.
Она положила книгу на место.
Отошла от окна.
Села на кровать. Обхватила колени руками.
За окном серело небо.
Коробочки стояли на подоконнике. За стеклом.
Окно было закрыто.

«Прогресс»

Та же комната. Те же жалюзи. Тот же голос.

— Ты выглядишь уставшей.

— Я всегда так выгляжу.

— Ты принимаешь лекарства?

Эвелин не ответила.

— Ты боишься открывать окно или забирать коробочки?

— Какая разница.

— Разница есть. Если ты боишься открывать окно — это одно. Если ты не хочешь забирать лекарства — это другое.

Эвелин смотрела в стену.

— Я видела медведя, — сказала она.

— Какого медведя?

— Огромного. Плюшевого. Он нёс его в охапку. А она смеялась.

Голос не торопил.

— Он дарил мне книги, — продолжала Эвелин. — Я перечитывала их сотни раз. Закладка всё ещё на странице, где он остановился. Я так и не дочитала.

— Ты говоришь о нём?

— О ком же ещё.

Она замолчала.

«Бар «Вектор». Цокольный этаж. Над аркой мерцала фиолетовая вывеска, перетекая в синий.

Она сидела одна у стойки. Музыка давила низкими басами, вибрировала в груди. Он взял соседний стул. Не спросил разрешения. Просто сел рядом.

— Что пьёшь? — спросил.

— Не помню.

Он улыбнулся. Серые глаза. Она запомнила это сразу.

— Я закажу тебе то же самое, — сказал он. — Тогда запомнишь.

Бармен поставил перед ними два одинаковых бокала. Жидкость пахла лаймом и чем-то горьким.

Он поднял свой бокал.

— За знакомство.

Она не чокнулась. Просто взяла свой и выпила.

Потом они говорили. О чём — не помнила. Помнила только его голос — низкий, спокойный, как те басы, что вибрировали в груди. И его руки, когда он поправлял свой чёрный плащ.»

— Эви? — голос вернул её.

Она моргнула. Подлокотники кресла впились в ладони. Холодно.

— Ты здесь?

— Да.

— О чём ты подумала?

— О баре, — сказала она. — О том, как мы встретились.

— И что ты помнишь?

— Он сел рядом. Заказал мне коктейль. У него были серые глаза.

— А что ты чувствовала тогда?

Эвелин посмотрела на жалюзи.

— Не помню, — сказала она.

Она помнила. Но не сказала.

Голос помолчал.

— Ты не принимаешь лекарства, Эви. Это твой выбор. Но без них будет сложнее.

— Мне и так сложно.

— Тогда, может быть, стоит попробовать?

Эвелин посмотрела на жалюзи. Плотные, бежевые, безжалостные.

— Я подумаю, — сказала она.

Она всегда так говорила.

Коридор был пуст.

Эвелин прижала коммуникатор к сенсорной панели — дверь щёлкнула.

Она вышла на улицу.

Небо было серым.

Она не пошла домой. Свернула в парк. Тот самый. Где скамейка под клёном.

По дороге зашла в круглосуточный магазин. Автоматические двери, усталый продавец. Взяла коньяк — дешёвый, горький. И сигареты. Бросила деньги на стойку. Продавец что-то сказал — она не ответила.

В парке было пусто.

Она села на скамейку. Открутила крышку. Сделала глоток. Обожгло.

Достала сигарету. Закурила.

Пила. Курила. Смотрела на серое небо.

Дождь кончился. Из-за туч выглянула луна — холодная, равнодушная.

Бутылка пустела. Она не чувствовала ни тепла, ни холода. Ничего.

Сигаретный дым смешивался с горьким вкусом коньяка. Голова слегка кружилась.

«Можно было бы позвонить кому-нибудь. Но некому.»

Бутылка опустела. Она поставила её на скамейку, потом подняла, отнесла к урне. Бросила.

Достала новую сигарету. Закурила.

Постояла минуту. Посмотрела на пустую скамейку.

Потом пошла домой.

По дороге никто не встретился.

Коробочки ждали. Окно было закрыто. Как всегда.

«Не оглядывайся»

Ночь была тихой.

Луна светила сквозь жалюзи, расчерчивая пол тёплыми полосами. Эвелин спала на боку, поджав колени к груди. Дыхание было ровным, почти не слышным.

Ей снился город.

Тот же самый. Ноктюрн. Неоновые вывески мигали, но людей не было. Дроны не летали. Аэрокары не гудели. Только ветер шелестел по пустым улицам, гоняя обрывки голограмм, которые рассыпались в пыль при каждом касании.

Она шла босиком по мокрому асфальту.

Не помнила, когда разулась. Не помнила, где оставила кеды. Но холод не чувствовался. Или чувствовался, но она уже привыкла.

В руке — сигарета. Уголёк тлел оранжевым, освещая пальцы. Она затянулась. Дым смешался с туманом.

Вдалеке, у самого горизонта, чернел силуэт.

Чёрный плащ.

Он стоял неподвижно, лицом к ней. Но лица не было видно — только тень под капюшоном.

Она пошла к нему.

Не ускоряя шаг. Не замедляя. Как будто так и было задумано.

Город начал растворяться.

Сначала исчезли неоновые вывески — погасли, как будто кто-то выключил рубильник. Потом дома — их стены стали прозрачными, сквозь них просвечивало серое ничто. Потом асфальт под ногами пошёл трещинами, и из трещин потянулись чёрные корни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.